

Массовый редистриктинг и распределительная политика: эмпирический анализ на примере регионов России

ВАДИМ Ю. ДЕВЯТНИКОВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

<https://orcid.org/0009-0009-5278-7232>

Рекомендация для цитирования:
Девятников В. Ю. (2025) Массовый редистриктинг и распределительная политика: эмпирический анализ на примере регионов России. *Социология власти*, 37 (4): 163-185
EDN: PKAYRW

For citation:
Devyatnikov V. Y. (2025) Mass Redistricting and Distributive Politics: Evidence from Russia's Regions. *Sociology of Power*, 37 (4): 163-185

Поступила в редакцию: 19.04.2025;
прошла рецензирование: 11.07.2025;
принята в печать: 10.08.2025
Received: 19.04.2025; Revised:
11.07.2025; Accepted: 10.08.2025

© Author, 2025
This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Резюме: Редистриктинг является важным инструментом политической борьбы, который обладает рядом характеристик, выделяющих его среди других способов создания неконкурентного электорального преимущества: скрытность и непровокативность. Этим обусловлено значительное внимание исследователей, прикованное в первую очередь к политическим последствиям редистриктинга. Тем не менее политико-управленческая и правовая стороны редистриктинга остаются менее изученными, что может ограничивать наше понимание электоральных процессов, особенно за пределами США, на материалах которых была выполнена большая часть статей на эту тему. Используя прошедшую в ряде регионов в период с 2019 по 2021 год электоральную реформу, сопровождающуюся массовым редистриктингом, текущая работа нацелена на установление политико-управленческих последствий редистриктинга как правовой процедуры на уровне регионов России. Для этой цели с помощью авторского алгоритма были собраны данные о качестве предоставляемых государством благ, а также об объеме их финансирования. С использованием метода событий, позволяющего интерпретировать результаты в каузальном ключе, была получена оценка влияния редистриктинга на качество предоставляемых благ и объем их финансирования. Результаты свидетельствуют о повышении запланированных расходов на образование за год до проведения выборов в муниципальных образованиях, в которых не менее чем на 25% и 50% УИКов

не было инкубентов. Полученные результаты не позволяют говорить о значительном влиянии массового редистриктинга на распределение финансовых ресурсов, выделяемых на предоставляемые государством блага. В то же время можно отметить наличие умеренных свидетельств в пользу предположения о том, что проведение реформы положительно сказалось на качестве предоставляемых благ.

Ключевые слова: редистриктинг, бюджетно-распределительная политика, электоральные исследования, региональные выборы, региональное законодательство

Mass Redistricting and Distributive Politics: Evidence from Russia's Regions

Vadim Y. Devyatnikov

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0009-0009-5278-7232>

Abstract: Redistricting is an important tool of political struggle, distinguished by several features that set it apart from other methods of creating a non-competitive electoral advantage: secrecy and non-provocativeness. These characteristics have led to significant scholarly attention, primarily focused on the political consequences of redistricting. However, the administrative and legal aspects of redistricting remain less studied, which may limit our understanding of electoral processes, especially outside the United States—the context of most existing research on the topic. Drawing on the electoral reform that took place in several Russian regions between 2019 and 2021 and was accompanied by mass redistricting, this study aims to examine the administrative and political consequences of redistricting as a legal procedure at the regional level in Russia. For this purpose, data were collected using a custom algorithm on the quality of public goods provision and the volume of their funding. Using the event study method, which allows for causal interpretation, the impact of redistricting on the quality and funding of public goods was assessed. The results indicate an increase in planned education expenditures in the year preceding elections in municipalities where at least 25% and 50% of precinct election commissions (PECs) did not have incumbents. The findings do not provide strong evidence of a significant impact of mass redistricting on the allocation of financial resources for publicly provided goods. However, there is moderate evidence to support the hypothesis that the reform had a positive effect on the quality of the goods provided.

Keywords: redistricting, distributive budget policy, electoral studies, regional elections, subnational legislation.

Введение

Конкретный способ нарезать избирательные округа может решить исход выборов. Поэтому к процедуре изменения границ

избирательных округов, называемой также редистриктингом, приковано внимание многих исследователей и общественных деятелей, особенно в США, где планы перенарезки округов то и дело оказываются предметом судебных разбирательств (Grofman, Sergvas 2018). Однако в большей части литературы редистриктинг рассматривается как феномен, имеющий сугубо политическую природу. Исследователи изучают его влияние на электоральные результаты действующих членов парламента — инкумбентов, то есть политиков, уже занимающих свои должности и обычно обладающих преимуществом при переизбрании (Desposato, Petrosic 2003; Hood, McKee 2010; Ansolabehere 2000), на явку избирателей (Hayes, McKee 2018; Fujimura 2022; Hunt 2018), посвящают многочисленные труды разработке эффективных способов обнаружения джерримендеринга (Tapp 2019; Wang 2016; Ramachandran, Gold 2018), то есть редистриктинга, нацеленного на создание дополнительного преимущества для какого-либо кандидата или партии. Правовая и политико-управленческая ипостаси редистриктинга привлекают намного меньше внимания исследователей, хотя они могут улучшить понимание самого процесса редистриктинга, а также пролить свет на его последствия в сферах, отличных от политической.

165

К тому же большая часть работ, посвященных изучению редистриктинга, выполнена на материалах США или стран Западной Европы (в качестве исключения см.: Wong 2017), но практика регулярной перенарезки округов не является уникальной характеристикой консолидированных западных демократий, наоборот, редистриктинг, регулярный или *ad hoc*, свойственен многим политическим режимам с выборами (Handley, Grofman 2008), в том числе гибридным режимам (Ibid.). Россия здесь не является исключением, ст. 18 Федерального закона № 67-ФЗ избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации прямо указывает на временный характер избирательных округов на всех уровнях избирательной системы, которые должны обновляться один раз в десять лет.

Но кроме предписанного законом регулярного пересмотра границ избирательных округов в период с 2019 по 2021 год в нескольких регионах России прошла электоральная реформа, в результате которой была увеличена доля депутатских мандатов, распределяемых по мажоритарной системе. В части регионов это было сделано за счет увеличения количества таких мандатов, вследствие чего возникла необходимость в проведении массового редистриктинга, что создало отличную возможность для изучения различных последствий пересмотра границ избирательных округов. Текущая работа фокусируется на политико-управленческих последствиях

редистриктинга, прежде всего — как он отражается на финансировании предоставляемых государством благ и услуг. Такой выбор объясняется тем, что политические элиты региона, включая действующих депутатов законодательных собраний субъектов, с одной стороны, серией нормативно-правовых актов, в том числе постановлениями региональных парламентов, принимают решение о проведении редистриктинга и утверждают новые схемы избирательных округов, а с другой стороны, они же имеют весомое влияние на распределение бюджетных ресурсов внутри своих регионов. Это создает интересную ситуацию, когда принимающие решения лица, утверждающие решение о редистриктинге, могут быть заинтересованы в использовании инструментов перераспределения для смягчения его негативного влияния на свои электоральные результаты. Таким образом, изучение редистриктинга как политико-правовой практики способно углубить наше понимание его политико-управленческих последствий и объяснить конкретные параметры распределения бюджетных средств в периоды проведения электоральных реформ, сопровождающихся массовой перенарезкой округов.

166

Статья строится следующим образом: сначала мы опишем правовую часть процесса редистриктинга на региональном уровне в России, затем обратимся к существующим концепциям распределительной политики, после чего опишем дизайн исследования и полученные результаты. В заключительной части сформулируем основные выводы из текущего исследования, его ограничения и возможные будущие направления работы.

Процедура редистриктинга в России

В России процесс пересмотра границ избирательных округов регулируется все тем же Федеральным законом № 67-ФЗ, в соответствии с которым именно избирательная комиссия региона готовит новую схему избирательных округов, которая лишь утверждается в региональной легислатуре. В свою очередь, вопрос о количестве депутатов в законодательных собраниях и доле одномандатников относится к ведению региональных уставов (конституций) и законов о выборах депутатов в законодательное собрание субъектов, которые могут быть изменены решениями парламентов субъектов Федерации. Таким образом, для проведения электоральной реформы в том ее виде, которая состоялась в 2019–2021 гг., требуются одновременно как минимум два нормативно-правовых акта от регионального парламента, один из которых вносит поправки в устав региона или закон о выборах в парламент. Например, в 2021 году Новгородская областная дума приняла поправки (Закон Новгородской области № 687-

ОЗ) к закону «О выборах депутатов Новгородской областной думы», в результате которых было увеличено количество распределяемых по мажоритарной системе мандатов с «половины» (то есть с 16) до 20 и снижено с 16 до 12 количество мандатов, распределяемых по пропорциональной системе, а меньше чем через месяц постановлением (Постановление Новгородской областной думы № 12-ОД) была утверждена новая схема избирательных округов. Другим примером является Амурская область, где в 2021 году региональный парламент внес поправки (Закон Амурской области № 687-ОЗ) в Устав Амурской области, сократив численность депутатов с 36 до 27, причем в соответствии с поправками (Закон Амурской области № 691-ОЗ) к закону о Законодательном собрании Амурской области и «О выборах депутатов Законодательного собрания Амурской области» это сокращение было полностью обеспечено за счет мандатов, распределяемых по пропорциональной избирательной системе, в связи с чем в ней не проводился редистриктинг, из-за чего она не попала в нашу выборку. Таким образом, с нормативно-правовой точки зрения вопрос инициации реформы и утверждения ее конкретных параметров находится полностью в ведении регионального законодательного собрания, в то время как техническая подготовка к проведению реформы ложится на плечи избирательных комиссий. Пример Амурской области указывает на то, что решение задачи по увеличению доли одномандатников в парламенте региона не обязательно должно сопровождаться пересмотром границ избирательных округов. Это означает, что вопрос о конкретных путях достижения цели скорее всего является предметом обсуждений элит регионов, в части из которых депутатам удалось отстоять общее количество мест в парламенте.

167

Однако региональные власти, включая главу региона, имеют прямой контроль над формированием составов региональных избирательных комиссий. Так, в соответствии с Федеральным законом № 67-ФЗ половину членов региональной избирательной комиссии назначает действующий глава региона, вторую половину назначает законодательное собрание. Причем в обоих случаях не менее половины из них должны быть предложены политическими партиями, в то время как минимум два члена избирательной комиссии должны быть назначены по предложению ЦИК. Например, в 2016–2021 гг. в состав избирательной комиссии Новгородской области численностью 12 человек входили 6 представителей от разных партий, два представителя от муниципальных образований, глава и ее заместитель были предложены ЦИК, один член комиссии была выдвинута предыдущим ее составом. Таким образом, и «техническая» часть реформы, хоть и опосредованно, подконтрольна политическим лидерам региона.

Выборы и предоставляемые государством блага

Для достижения необходимого электорального результата элиты в электоральных автократиях также прибегают к стратегическому использованию инструментов социально-экономической политики (Magaloni 2006), равно как к разворачиванию патронажных сетей (Hicken 2011). Надо заметить, что в демократических режимах политики тоже прибегают к использованию финансирования, выделяемого на социальные программы и предоставление благ, для достижения своих политических целей (Lazagus 2009). Это наблюдение нашло свое отражение в теории деловых политических циклов, теории о селекторате и многих других теоретических наработках (Drazen 2000). В нашем же случае ключевой интерес представляют теории, объясняющие не сам факт распоряжения финансовыми средствами государства в целях удовлетворения политических интересов отдельных акторов или групп, а то, как именно это распределение будет происходить, какой логикой руководствуются лица, принимающие решения о распределении ресурсов и контроле за их использованием, в условиях электоральной борьбы.

168

Так, в литературе по дистрибутивной политике можно выделить два основных подхода к распределению ресурсов перед выборами (Golden, Min 2013). В рамках первого подхода наиболее рациональным является распределение средств в пользу тех территорий, которые демонстрируют наибольшую лояльность правящим партиям или политическим элитам, таким образом поощряя их и вознаграждая за поддержку, в то же время наказывая все другие территории, финансируя их по остаточному принципу (Hiskey 1999; Cox, McCubbins 1999). В этом случае победа в округе кандидата от доминирующей партии может рассматриваться как сигнал о лояльности электората. К этому можно добавить, что перераспределению ресурсов в предвыборный период в пользу избирательных округов, в которых выиграла лояльные режиму кандидаты, может также способствовать факт того, что эти кандидаты вновь будут участвовать в выборах. Действительно, если инкубент будет пробовать переизбраться, то в таком случае он будет мотивирован привлекать дополнительные ресурсы в свой избирательный округ перед выборами. Этого нельзя сказать о тех избирательных округах, которые хоть и избрали лояльного режиму кандидата, но остались без инкубента на грядущих выборах.

Второй подход указывает на то, что сомневающимся избирателей можно привлечь на свою сторону дополнительными благами (Dixit, Londregan 1996). Данный подход строится на том, что уверенных сторонников действующего режима нет смысла дополнительно мотивировать — они проголосуют за партию власти или канди-

дата от нее независимо от наличия или отсутствия дополнительных стимулов в виде улучшения качества предоставляемых благ. К примеру, как указывает в своей работе Миллер, электоральные автократии реагируют на результаты выборов посредством внесения изменений в социально-экономическую политику и перераспределения средств в пользу групп избирателей, которые проявили нелояльность, проголосовав за оппозиционного кандидата или партию (Miller 2015). В силу этого не имеет электорального смысла перераспределять ресурсы в пользу избирательных округов с сильной поддержкой инкумбента. В результате уязвимые члены партии должны, при прочих равных, получать больше ресурсов, чем члены партии, которые с электоральной точки зрения считаются устойчивыми. В контексте текущего исследования эта логика может иметь следующие следствия: если лица, принимающие решение о распределении финансирования, будь это лидеры фракций или сотрудники ведомств, верстающих бюджет, максимизируют количество представителей ныне доминирующей партии в парламенте, а также считают, что статус инкумбента является значимым и положительным фактором, влияющим на вероятность электорального успеха, то они будут перераспределять больше ресурсов в пользу тех административно-территориальных единиц, в которых нет инкумбента. Действительно, те из кандидатов, которые никогда не избирались от данного избирательного округа, могут не досчитаться голосов в свою пользу просто потому, что местные избиратели впервые увидели их фамилии в бюллетене, не имеют сложившегося представления о них, а также им сложно оценить качество работы кандидата на предыдущем посту, будь это выборная или административная должность. Даже тот кандидат, который на момент проведения выборов является действующим депутатом парламента, но на перевыборы решил пойти в новом для себя избирательном округе, все равно может испытывать дополнительные проблемы из-за отсутствия так называемого немасштабируемого эффекта инкумбента, который также называют *homestyle* (Ansolabehere et al. 2000). Таким образом, можно ожидать, что средства будут перераспределяться не только в пользу новых кандидатов, но также в пользу тех депутатов, которые по какой-то причине, к примеру, из-за электоральной реформы, были вынуждены поменять свой избирательный округ. Маркес Израэль с коллегами показывает на данных из России, что политики могут прибегать к различной комбинации этих двух стратегий в зависимости от экономической ситуации (Marques et al. 2016).

Таким образом, вслед за литературой мы предполагаем, что отсутствие инкумбента рассматривается лицами, координирующими принятие решений о выделении финансирования на те или

иные нужды и их распределение между разными административно-территориальными единицами, как ослабляющий фактор, требующий компенсации в виде выделения дополнительных ресурсов на предоставление благ, а также ужесточение контроля за их расходом. Несмотря на наличие альтернативной точки зрения, в качестве основной гипотезы принимается следующее утверждение:

Н1. Отсутствие инкубента в муниципальном образовании приводит к увеличению финансирования на предоставление благ, равно как к улучшению их качества.

В силу того, что подготовка электоральной реформы втайне от региональных политических акторов представляется маловероятной, можно ожидать, что будущие кандидаты и лица, отвечающие за выделение и распределение финансирования, будут заранее адаптироваться к готовящимся изменениям, что должно привести к значимому экспериментальному эффекту до проведения электоральной реформы. В то же время сложно представить, что конечные параметры реформы, включающие в себя планы по нарезанию новых округов, были разработаны с большим опережением, за два или больше года до проведения реформы. В связи с этим была сформулирована вторая гипотеза:

170

Н2. Качество благ, равно как и объемы их финансирования, будут выше в муниципальных образованиях без инкубента в период до проведения выборов.

Также можно ожидать, что кандидаты, не будучи инкубентами на момент проведения выборов, в будущем будут иметь больше стимулов привлекать дополнительные средства в свои новые избирательные округа или часть избирательных округов по сравнению с теми кандидатами, которые остались со своими участковыми избирательными комиссиями (УИКаами). Таким образом, можно предположить, что в тех муниципальных образованиях, в которых имеются УИКи без инкубентов, траты на финансирование благ в периоды после выборов будут выше вследствие наличия стимулов среди кандидатов-неинкубентов заработать репутацию на новых территориях. В силу этих же обстоятельств можно ожидать ужесточения контроля за расходом средств в муниципальном образовании. Отсюда вытекает третья гипотеза:

Н3. Отсутствие инкубента в муниципальном образовании приводит к увеличению финансирования на предоставление благ, равно как к улучшению их качества в периоды после проведения выборов.

У исследований в этой сфере существует ряд недостатков. Во-первых, основные теории дистрибутивной политики изучают способы распределения имеющихся ресурсов между различными группами людей, в то время как в случае с политически мотивированными решениями важной может представляться задача о распределении

средств между административно-территориальными единицами, а не конкретными группами. Это справедливо в силу того, что политические партии заинтересованы в том, чтобы выигрывать в отдельных избирательных округах, а не среди отдельных категорий избирателей. Во-вторых, большинство исследований используют в качестве объясняющей результат выборов переменной не конечный результат траты ресурсов в виде качества и количества предоставляемых благ, а именно траты на них. Как представляется, это несовершенная метрика, так как она не позволяет учесть уровень коррупции как важный фактор трансформации затраченных ресурсов в конечный результат. Так, можно представить, что партии и политические элиты в районах, которые они определили как важные для проведения избирательной кампании, будут не только тратить больше финансовых ресурсов на обеспечение этих районов, но и ужесточат контроль за расходованием этих средств. Поэтому в настоящем исследовании будут использованы как показатели качества предоставляемых государством благ, так и данные об их финансовом обеспечении.

Дизайн

171

В ряде регионов России в период с 2019 по 2021 год прошли электоральные реформы, которые изменили соотношение мандатов в региональных парламентах, распределяемых по пропорциональной и мажоритарной системам. Во всех случаях доля распределяемых по мажоритарной системе мандатов выросла, однако в некоторых регионах это было достигнуто за счет сокращения числа мандатов, распределяемых по пропорциональной системе. В других же регионах увеличили число депутатов и это увеличение полностью было обеспечено мажоритарными мандатами (это Республика Алтай, Республика Марий Эл, Хабаровский край, Приморский край, Костромская, Новгородская, Тульская и Мурманская области). Последнее неизбежно должно было повлечь массовой пересмотр границ старых избирательных округов, необходимый для формирования новых. Это открыло возможность для исследователей использовать метод событий (*event study*).

Суть этого дизайна сводится к тому, чтобы использовать модель с фиксированными эффектами на время и единицы анализа для получения оценки результата экспериментального воздействия. К этому добавляется набор переменных, которые указывают на разницу во времени между текущим периодом, за которой представлено измерение зависимой переменной для определенной единицы анализа, и периодом, в котором эта единица получила экспериментальное воздействие. Каждая из этих переменных является дам-

ми-переменной. При этом мы можем использовать наблюдения не только из двух периодов, но также и из всего множества периодов, как предшествующих экспериментальному воздействию, так и следующих за ним. Это позволяет получить оценку экспериментального воздействия в любой период времени, а также нивелировать проблему, связанную с получением этого воздействия в разные периоды времени. Более того, с помощью этой спецификации становится возможным протестировать предпосылку о параллельных трендах, при этом не потребуется дополнительно оценивать какие-либо модели, тест органично встроен в спецификацию.

Во многих исследованиях, в которых используется метод событий, имеет место предпосылка об отсутствии ожидания экспериментального воздействия. Отсутствие эффекта ожидания означает, что единицы анализа, подвергшиеся экспериментальному воздействию, не меняют своего поведения в ожидании этого воздействия. Когда выполняется предпосылка об отсутствии эффекта ожидания, можно использовать период до экспериментального воздействия в качестве базового периода и сравнивать другие периоды с этим периодом.

172

Однако в некоторых случаях эта предпосылка может не выполняться, например, когда о воздействии экспериментальной группе объявляется до того, как это воздействие происходит, и единицы анализа могут отреагировать на объявление, изменив свое поведение. В этом случае необходимо тщательно выбирать базисные периоды, чтобы избежать систематической ошибки. Если у нас есть представление о том, когда единицы анализа могут узнать о готовящемся воздействии и начать менять свое поведение, мы можем использовать этот период в качестве фактического начала воздействия, а периоды до этого — в качестве контрольных периодов. В случае текущего исследования это означает, что лица, принимающие решения о распределении бюджетов, могут заранее узнать о параметрах готовящейся электоральной реформы и начать действовать в соответствии с ее ожиданием еще в предшествующий экспериментальному воздействию период. Для реализации метода событий необходимо оценить следующую модель:

$$Y_{it} = \alpha_i + \gamma_t + \sum_{l=-T}^T \beta_l D_{it}^l + e_{it}$$

где Y_{it} представляет из себя значение зависимой переменной для единицы анализа l в период времени t ; α_i — фиксированный эффект для каждой единицы l , в данном случае для каждого муниципального образования, который призван учесть его неизменяе-

мые во времени характеристики; Y_t — фиксированный эффект на период t , который призван учесть специфичные для каждого периода шоки; D_{it}^l представляет из себя дамми-переменную для l , где l — разница во времени между периодом текущего наблюдения и периода, в котором единица анализа получила экспериментальное воздействие. К примеру, если l равна -4, то в текущий период t , данные за который представлены Y_{it} , единица анализа из экспериментальной группы еще не получила экспериментальное воздействие, но получит его через четыре периода. Случай же, когда переменная l равна 2, говорит о том, что единица анализа из экспериментальной группы получила экспериментальное воздействие два периода назад. Когда период, за который представлено значение зависимой переменной, совпадает с периодом, в котором данная единица анализа получила экспериментальное воздействие, l равна 0. Для единиц анализа из контрольной группы значения всех дамми-переменных D_{it}^l равны 0 в любой период времени. β_l — коэффициент при дамми-переменной D_{it}^l ; Суммирование произведения $\beta_l D_{it}^l$ происходит по значениям от $-T$ до T , где T — количество периодов после экспериментального воздействия. В данной спецификации предполагается, что количество периодов до экспериментального воздействия равно количеству периодов после, однако это не обязательно должно быть так. В текущем исследовании периодов до экспериментального воздействия гораздо больше. Наконец, e_{it} — случайная ошибка. В данной спецификации ключевой интерес представляют коэффициенты при D_{it}^l , которые и указывают на наличие экспериментального эффекта, а также его магнитуду. Благодаря использованию целого набора дамми-переменных мы можем получить оценку экспериментального воздействия в каждый относительный период l , как до экспериментального воздействия, так и после него. К примеру, если коэффициент β_2 окажется значимым и положительным, то это означает, что по прошествии двух периодов после экспериментального воздействия все еще можно наблюдать экспериментальный эффект. Наоборот, если коэффициент β_{-2} окажется значимым и положительным, то это может указывать либо на эффект ожидания, либо на нарушение предпосылки о параллельных трендах. Отличить их можно с помощью опоры на теоретические рассуждения относительно того, насколько задолго до экспериментального воздействия может наблюдаться эффект ожидания. К примеру, в данной работе предполагается, что эффект ожидания не может проявиться далее чем за один период до экспериментального воздействия, то есть при l равной -1. Значимость коэффициентов при D_{it}^l в случае, если $l \leq -2$ будет рассматриваться как свидетельство против предпосылки о параллельных трендах.

В исследовании использовались четыре уровня отсечения наблюдений в экспериментальную и контрольную группы. Так, наблюдения из некоторого избирательного округа определялись в экспериментальную группу если: 1) хотя бы один УИК из этого округа не имел на выборах после реформы инкумбента; 2) хотя бы 25% УИКов из этого избирательного округа были лишены своего инкумбента; 3) хотя бы 50% УИКов из этого избирательного округа были лишены своего инкумбента; 4) хотя бы 75% УИКов из этого избирательного округа были лишены своего инкумбента. Для каждого уровня отсечения был оценен одинаковый набор моделей; Y_{it} — значение зависимой переменной, которая будет отражать либо качество предоставляемых благ (это может быть качество дорог в районе, состояние дошкольных образовательных учреждений и так далее), либо объем финансирования на предоставление этих благ. Мы описываем результаты оценки моделей только на уровнях отсечения в 25% и 75%, которые представляются наиболее репрезентативными для случаев с низкой и высокой долей УИКов без своих инкумбентов. Результаты оценки остальных моделей можно найти в приложении.

Данные

Для реализации исследования были собраны данные о результатах выборов в региональные парламенты тех регионов, в которых прошла электоральная реформа. Это было сделано с помощью авторского алгоритма по парсингу региональных страниц государственной автоматизированной системы ГАС «Выборы». Также с помощью алгоритма по парсингу базы данных муниципальных образований Росстата (БДМО) были собраны данные о качестве предоставляемых благ на уровне муниципальных образований. В качестве показателей, репрезентирующих качество предоставляемых благ были выбраны: 1. Доля протяженности автодорог общего пользования местного значения, не отвечающих нормативным требованиям, в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения. 2. Доля муниципальных дошкольных образовательных учреждений, здания которых находятся в аварийном состоянии или требуют капитального ремонта, в общем числе муниципальных дошкольных образовательных учреждений. 3. Отношение одиночного протяжения уличной канализационной сети, которая заменена и отремонтирована за отчетный год, к одиночному протяжению уличной канализационной сети. 4. Отношение одиночного протяжения уличной водопроводной сети, которая заменена и отремонтирована за отчетный год, к одиночному протяжению уличной водопроводной сети. 5. Отношение протяженности тепловых и паровых сетей, которые были заменены и отремонтированы

за отчетный год, к протяжению тепловых и паровых сетей в двухтрубном исчислении. Эти показатели были выбраны, потому что они одни из немногих показателей муниципальной статистики, которые, во-первых, репрезентируют услуги, предоставляемые непосредственно жителям муниципальных образований, а во-вторых, имеют лучшую по сравнению с другими индикаторами степень наполнения данных, позволяющую использовать их для анализа. Несмотря на это, в некоторых моделях нам не удалось получить оценки коэффициентов из-за пропусков в данных.

Также в рамках текущего исследования было необходимо собрать данные о тратах на предоставляемые государством блага, заложенные в бюджетах муниципальных образований. Так, с помощью уже упомянутого алгоритма из БДМО были извлечены данные о фактическом исполнении бюджетов муниципальных образований по следующим статьям расходов: 1. Жилищно-коммунальное хозяйство. 2. Дорожное хозяйство. 3. Образование. Далее, были собраны данные о запланированных расходах по этим статьям. Для этого вручную с сайтов муниципальных образований была собрана информация о параметрах бюджетов, изложенных в принятых местными советами депутатов законопроектах о бюджете. В случаях, когда текст законопроектов был недоступен, использовались первые поправки к законам о бюджетах муниципальных образований, в которых содержалась информация об интересующих нас параметрах. Все данные по финансированию благ были дисконтированы к 2013 году, а также, в целях учета различий в численности населения муниципальных образований, поделены на число жителей районов, к которым они относятся. Таким образом, любой из показателей финансирования благ представляет из себя количество рублей 2013 года, выделенных на душу населения в определенном муниципальном образовании.

В таблице 1 представлены результаты сравнения наблюдений из контрольной и экспериментальной групп по ключевым социально-экономическим и электоральным характеристикам. Социально-экономические характеристики приведены для наблюдений, попавших в контрольную и экспериментальную группы при уровне отсечения в 25%. Значения среднемесячной заработной платы были взвешены на количество населения. В свою очередь, электоральные характеристики представляют средние значения, взвешенные на количество зарегистрированных избирателей. Как можно заметить, две группы наблюдений практически не отличаются друг от друга: в муниципальных образованиях из экспериментальной группы в среднем проживает больше людей, средние зарплаты там несколько выше по сравнению с контрольной группой, примерно на 14,2%, а доля женщин и лиц старшей трудоспособного возраста отличается

менее чем на 1%. Переходя к электоральным характеристикам, мы можем наблюдать еще большую схожесть между контрольной и экспериментальной группами. Так, средняя доля голосов за В. В. Путина на выборах Президента РФ в 2018 году различается между УИКаами из контрольной и экспериментальной групп менее чем на 1%, аналогично обстоят дела с долей голосов за «Единую Россию» на выборах в ГД РФ и в региональные legislatures. Это может указывать на то, что инкумбенты при выборе избирательного округа в период после реформы либо вовсе не руководствовались электоральными соображениями, либо преследовали смешанные стратегии. Такая схожесть контрольной и экспериментальной групп дает нам дополнительное основание интерпретировать полученные результаты как прямое следствие проведенной реформы.

Результаты

176

В таблицах 2 и 4 представлены результаты оценки моделей с показателями качества предоставляемых услуг в виде зависимой переменной с отсечением в экспериментальную группу на уровнях 25% и 75% соответственно. В столбцах с названиями от -5 до 2 представлены коэффициенты при дамми-переменных, указывающих на разницу во времени между периодом, в котором была получена оценка, и периодом, в котором к единице анализа было применено экспериментальное воздействие. Важно отметить, что значимость любого из коэффициентов при дамми-переменных -5, -4 и -3 указывает на нарушение предпосылки о параллельных трендах, в то время как значимость коэффициентов при дамми-переменных -1, 0, 1 и 2 указывает на наличие экспериментального эффекта. Как можно заметить, в целях избежания мультиколлинеарности пропущенной оказалась дамми-переменная -2. Она была выбрана не случайно, так, в силу гипотезы H2 предполагается, что экспериментальное воздействие может иметь упреждающий эффект.

В уже упомянутой таблице 2 значимыми оказались лишь два коэффициента при дамми-переменных для периодов 1 и 2 после экспериментального воздействия. Оба коэффициента принадлежат модели с состоянием дошкольных учреждений в качестве зависимой переменной и являются отрицательными, что указывает на то, что в первые два года после проведения электоральной реформы и выборов доля дошкольных образовательных учреждений, здания которых требуют ремонта, снижается примерно на 25%. В модели с уровнем отсечения в 75% (табл. 4) не нашлось достаточно наблюдений для оценки коэффициентов при дамми-переменных для периодов 1 и 2 в моделях с состоянием дошкольных учреждений

и объемом ремонта тепловой сети, в то же время коэффициенты дамми-переменных в других моделях нигде незначимы.

В таблице 3 можно увидеть результаты оценки моделей с показателями финансирования (запланированного или фактического) предоставляемых государством благ. Аналогично анализу качества предоставляемых благ, мы считаем, что наблюдение относится к экспериментальной группе в случае, если не менее 25% УИКов в муниципальном образовании осталось без своего инкумбента. Как можно заметить, значимыми оказываются коэффициенты только в моделях с расходами на образование в качестве зависимой переменной. В модели с фактическими расходами значимым оказался коэффициент при дамми-переменной на период -5, что не позволяет нам интерпретировать значимость коэффициента при переменной 2 в силу нарушения предпосылки о параллельных трендах. В модели с запланированными расходами на образование значимым оказался коэффициент при дамми-переменной на период -1; этот результат указывает на то, что в муниципальных образованиях, попавших в экспериментальную группу, за год до выборов расходы на образование выросли примерно на 1250 рублей на человека. Это можно интерпретировать в пользу того утверждения, что лица, принимающие решение о выделении финансирования, заранее направляют больше средств в избирательные округа, которые в результате электоральной реформы лишились своего инкумбента. Стоит отметить, что аналогичные результаты были обнаружены в моделях при уровне отсечения в экспериментальную группу в одно наблюдение (табл. 7).

177

В случае с отсечением наблюдений в экспериментальную группу на уровне 75% (табл. 5) для модели с запланированными расходами на образование вновь нашлись значимые коэффициенты, на этот раз при дамми-переменных на периоды -5 и -4, сигнализирующие о нарушении предпосылки о параллельных трендах. Свидетельства нарушения предпосылки можно обнаружить и в модели с фактическими расходами на образование, где значимым оказался коэффициент при переменной -5.

Обсуждение

Результаты указывают на слабую взаимосвязь между отсутствием в муниципальном образовании прежних инкумбентов и качеством предоставляемых государством благ. Ни в одной из моделей не нашлось значимых коэффициентов при дамми-переменных для периодов -1 и 0, что указывает на отсутствие эффекта за год до и в год проведения выборов. Однако значимыми оказались коэффициенты при дамми-переменной на периоды 1 и 2 в моделях с состоянием дошкольных учреждений, причем эффект оказался положительным,

подтверждая предположение, изложенное в гипотезе Н3. Еще одним открытием стало увеличение запланированного финансирования образования в муниципалитетах без инкумбента за год до проведения выборов, что соответствует нашему ожиданию, изложенному в гипотезе Н2. Тем не менее значимость коэффициента при переменной -1 лишь в двух моделях не дает серьезных оснований говорить о подтверждении выдвинутой гипотезы. Более того, отсутствие значимых коэффициентов при переменных 0, 1 и 2 не позволяет говорить о сколь-нибудь значительном влиянии проведенной реформы на планируемые и фактические расходы на предоставление благ. Таким образом, мы можем утверждать, что электоральная реформа не оказала заметного влияния на финансирование предоставляемых государством благ. В то же время мы наблюдаем повышение качества предоставляемых благ в первые несколько лет после проведения реформы, которое можно связать с усиленной работой нового избранного депутата, который таким образом пытается заработать себе репутацию.

178

Первое и, возможно, самое главное ограничение касается генерализуемости полученных нами выводов относительно эффекта инкумбента. Дело в том, что мы не можем точно назвать причины того, почему электоральные реформы с изменением числа мандатов, распределяемых по мажоритарной системе, прошли в тех, а не иных регионах. Было бы вполне логично ожидать, что это как-то связано с электоральными перспективами партии власти на грядущих выборах. Из-за этого мы не можем экстраполировать полученные нами результаты на всю Россию, а также на выборы других уровней.

Еще одно важное ограничение касается сделанных нами предположений. Так, кроме предпосылки о параллельных трендах, которую мы уже упоминали выше, мы также задействовали предпосылку о том, что назначение в экспериментальную или контрольную группы не связано с потенциальными значениями зависимых переменных. В данном случае наличие такой предпосылки не должно стать значительной проблемой в силу того, что в исследовании в качестве зависимых переменных используются социально-экономические и финансовые показатели, в то время как назначение в экспериментальную и контрольную группы скорее всего связано с различными политическими факторами, к примеру, с долей сторонников той или иной партии на УИКе. Конечно, можно предположить, что кандидаты имели возможность повлиять на исход перенарезки округов и при этом старались получить новые УИКи в муниципальных образованиях с высокими тратами на блага или же с высоким качеством предоставляемых благ, руководствуясь той логикой, что они обладают большими шансами на электоральный успех в таких районах. Однако уверенность в положительной взаи-

мосвязи между качеством предоставляемых благ и готовностью голосовать за определенную партию требует проведения нетривиальных социологических исследований, что кажется чрезмерным в условиях наличия открытой электоральной информации, которая может быть намного более релевантной. Таким образом, несмотря на наличие причин сомневаться в том, что эта предпосылка устоит, предположение о ее верности кажется разумным.

Еще одним ограничением может стать тот факт, что использованные в работе индикаторы качества предоставляемых благ по большей части измеряют состояние городской инфраструктуры или же объем ее финансирования. Это означает, что в случае, если связь между отсутствием инкумбента и динамикой качества предоставляемых благ, свойственных сельской местности, отличается от таковой в урбанизированных районах регионов, то полученные оценки будут представлять взаимосвязь между переменными интересами именно в городской среде.

Заключение

В текущем исследовании была предпринята попытка выявить связь между отсутствием инкумбента на выборах депутатов в региональные парламенты ряда регионов и качеством предоставляемых государством благ, равно как объемом их финансирования, для этого был использован метод событий. В результате оценки моделей оказалось, что почти во всех случаях коэффициенты интереса оказывались незначимы. Исключением стали модели с состоянием дошкольных учреждений в качестве зависимой переменной, а также модели с запланированными расходами на образование. Это может указывать на то, что массовый редистриктинг через отсутствие инкумбентов в избирательных округах повышает финансирование предоставляемых государством благ. В то же время наблюдается повышение их качества, однако в этом случае конкретный механизм остается неопределенным. Полученные результаты могут говорить о том, что на региональном уровне в России при распределении бюджетных ресурсов приоритет отдается более электорально уязвимым избирательным округам, в которых избиратели впервые столкнулись с новыми инкумбентами, однако в текущей работе были обнаружены лишь слабые свидетельства в пользу этой гипотезы.

В рамках исследования было предложено несколько возможных объяснений наблюдаемым данным, тем не менее это лишь предположения, которые требуют дальнейшей верификации с опорой на эмпирический материал. Так, представляется интересным изучение поведения депутатов региональных законодательных со-

браний в ходе обсуждений и принятия бюджетов регионов, а также обсуждение поправок к законам о бюджетах. Полезным может оказаться также исследование поправок к бюджетам регионов в ходе второго чтения: кто их внес, какова суть поправок и были ли они в итоге поддержаны парламентом? Ответы на эти вопросы позволят лучше понять динамику взаимодействия между депутатами региональных законодательных собраний, а также между законодательной и исполнительной ветвями власти.

Финансирование / Funding

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

The study was conducted within the framework of the HSE Fundamental Research Program.

Список источников / References

180

- Ansolabehere S., Snyder J. M., Stewart C. (2000) Old voters, new voters, and the personal vote: using redistricting to measure the incumbency advantage. *American Journal of Political Science*, 44 (1), pp. 17–34. <https://doi.org/10.2307/2669290>
- Cox G., McCubbins M. (1986) Electoral politics in a redistributive game. *Journal of Politics*, 48, pp. 370–389. <https://doi.org/10.2307/2131098>
- Desposato S., Petrocik J. (2003) The variable incumbency advantage: new voters, redistricting, and the personal vote. *American Journal of Political Science*, 47 (1), pp. 18–32. <https://doi.org/10.1111/1540-5907.00002>
- Dixit A., Londregan J. (1996) The determinants of success of special interests in redistributive politics. *Journal of Politics*, 58 (4), pp. 1132–1155. <https://doi.org/10.2307/2960152>
- Drazen A. (2000) The political business cycle after 25 years. *NBER Macroeconomics Annual*, 15, pp. 75–117. <https://doi.org/10.1086/654407>
- Fujimura N. (2022) The trade-off between equal representation and electoral participation: the effect of redistricting on voter turnout. *Representation*, 58 (4), pp. 547–563. <https://doi.org/10.1080/00344893.2021.1964584>
- Golden M., Min B. (2013) Distributive politics around the world. *Annual Review of Political Science*, 16, pp. 73–99. <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-052209-121553>
- Grofman B., Cervas J. R. (2018) Can state courts cure partisan gerrymandering: lessons from *League of Women Voters v. Commonwealth of Pennsylvania* (2018). *Election Law Journal: Rules, Politics, and Policy*, 17 (4), pp. 264–285. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3181092>
- Handley L., Grofman B. (2008) *Redistricting in Comparative Perspective*. Oxford: Oxford University Press.
- Hayes D., McKee S. (2006) The participatory effects of redistricting. *American Journal*

- of *Political Science*, 53 (4), pp. 1006–1023. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2009.00413.x>
- Hiskey J. T. (1999) *Does democracy matter?* Pittsburgh: University of Pittsburgh.
- Hicken A. (2011) Clientelism. *Annual Review of Political Science*, 14, pp. 289–310. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.031908.220508>
- Hood M. V., McKee S. C. (2010) Stranger danger: redistricting, incumbent recognition, and vote choice. *Social Science Quarterly*, 91 (2), pp. 344–358. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6237.2010.00696.x>
- Hunt C. R. (2018) When does redistricting matter? Changing conditions and their effects on voter turnout. *Electoral Studies*, 54, pp. 128–138. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2018.05.007>
- Lazarus J. (2009) Party, electoral vulnerability and earmarks in the U.S. House of Representatives. *Journal of Politics*, 71, pp. 1050–1061. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1125290>
- Magaloni B. (2006) *Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and its Demise in Mexico*. New York: Cambridge University Press.
- Miller M. K. (2015) Elections, information, and policy responsiveness in autocratic regimes. *Comparative Political Studies*, 48 (6), pp. 691–727. <https://doi.org/10.1177/0010414014555443>
- Marques I. I., Nazrullaeva E., Yakovlev A. (2016) Substituting distribution for growth: the political logic of intergovernmental transfers in the Russian Federation. *Economics & Politics*, 28 (1), pp. 23–54. <https://doi.org/10.1111/ecpo.12070>
- Tapp K. (2019) Measuring political gerrymandering. *The American Mathematical Monthly*, 126 (7), pp. 593–609. <https://doi.org/10.1080/00029890.2019.1609324>
- Ramachandran G., Gold D. (2018) Using outlier analysis to detect partisan gerrymanders: a survey of current approaches and future directions. *Election Law Journal: Rules, Politics, and Policy*, 17 (4), pp. 286–301. <https://doi.org/10.1089/elj.2018.0503>
- Wang S. S.-H. (2016) Three tests for practical evaluation of partisan gerrymandering. *Stanford Law Review*, 68, pp. 1263–1321. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2671607>
- Wong S. H. W. (2019) Gerrymandering in electoral autocracies: evidence from Hong Kong. *British Journal of Political Science*, 49 (2), pp. 579–610. <https://doi.org/10.1017/S0007123416000685>

Приложение

Результаты оценки моделей в спецификации метода событий

Таблица 6. Коэффициенты при дамми-переменных, указывающих на относительное время до (после) экспериментального воздействия, в моделях с качеством предоставляемых общественных благ с уровнем отсечения в одно наблюдение

Table 6. Coefficients for dummy variables indicating the relative time before (after) the experimental intervention in models of the quality of provided goods with a one-observation cutoff level

Зависимая переменная	-4	-3	-1	0	1	2
Качество дорог	-0,228 (3,086)	0,923 (3,032)	2,295 (3,033)	3,082 (3,031)	2,839 (3,321)	5,395 (3,772)
Состояние дошкольных учреждений	-4,275 (3,890)	-1,218 (3,965)	-3,259 (5,150)	-6,932 (4,143)	-17,229* (7,686)	-12,674 (7,194)
Объем ремонта канализационной сети	0,011 (0,012)	0,005 (0,011)	0,001 (0,012)	-0,008 (0,011)	-0,017 (0,020)	-0,013 (0,019)
Объем ремонта тепловой сети	-0,008 (0,013)	0,002 (0,013)	-0,016 (0,013)	-0,005 (0,014)	NA	NA
Объем ремонта водопроводной сети	-0,002 (0,012)	-0,003 (0,012)	-0,001 (0,013)	-0,001 (0,012)	-0,007 (0,016)	-0,007 (0,022)

Уровни значимости: *** 0,001; ** 0,01; * 0,05

Таблица 7. Коэффициенты при дамми-переменных, указывающих на относительное время до (после) экспериментального воздействия, в моделях с объемом финансирования общественных благ с уровнем отсечения в одно наблюдение.

Table 7. Coefficients for dummy variables indicating the relative time before (after) the experimental intervention in models of the funding volume of goods with a one-observation cutoff level

Тип расходов	Зависимая переменная	-5	-4	-3	-1	0	1	2
	Дорожное хозяйство	59,32 (207,8)	109,62 (205,7)	-56,89 (225,3)	281,47 (230,4)	208,70 (217,0)	286,32 (345,9)	294,69 (387,5)
Фактические	ЖКХ	236,92 (851,7)	59,76 (842,0)	-94,14 (922,2)	-213,69 (942,5)	-410,23 (891,0)	-166,12 (1428,3)	-298,72 (1542,1)
	Образование	2135,42*** (603,8)	405,99 (596,8)	1233,51 (653,6)	1130,85 (668,2)	1259,66* (632,2)	932,99 (1013,4)	2596,89* (1094,8)
	Дорожное хозяйство	64,77 (363,9)	-106,46 (344,1)	-163,65 (338,1)	9,72 (337,9)	-148,60 (344,2)	57,61 (460,5)	-325,29 (563,5)
Запланированные	ЖКХ	172,35 (1481,8)	-47,46 (1405,3)	151,01 (1415,5)	-597,01 (1415,6)	-358,27 (1455,0)	-467,75 (1952,5)	136,55 (2379,0)
	Образование	35,76 (475,4)	272,77 (455,5)	406,72 (458,2)	1313,11** (458,3)	375,25 (471,3)	-348,81 (631,2)	699,17 (771,9)

183

Таблица 8. Коэффициенты при дамми-переменных, указывающих на относительное время до (после) экспериментального воздействия, в моделях с качеством предоставляемых общественных благ с уровнем отсечения в 50%

Table 8. Coefficients for dummy variables indicating the relative time before (after) the experimental intervention in models of the quality of provided goods with a 50% cutoff level

Зависимая переменная	-4	-3	-1	0	1	2
Качество дорог	-2,169 (4,724)	0,657 (4,689)	0,231 (4,688)	0,453 (4,722)	-0,050 (4,889)	1,803 (5,588)
Состояние дошкольных учреждений	-8,566 (7,528)	0,351 (7,529)	-9,503 (10,867)	-6,962 (7,786)	NA	NA

Объем ремонта канализационной сети	0,031 (0,024)	0,020 (0,019)	0,011 (0,021)	0,014 (0,020)	-0,007 (0,018)	0,009 (0,027)
Объем ремонта тепловой сети	-0,004 (0,025)	0,016 (0,025)	-0,017 (0,025)	-0,003 (0,025)	0,000 (0,025)	0,000 (0,025)
Объем ремонта водопроводной сети	-0,001 (0,027)	-0,001 (0,028)	0,010 (0,032)	-0,001 (0,026)	-0,006 (0,032)	NA

Уровни значимости: *** 0,001; ** 0,01; * 0,05

Таблица 9. Коэффициенты при дамми-переменных, указывающих на относительное время до (после) экспериментального воздействия, в моделях с объемом финансирования общественных благ с уровнем отсеечения в 50%

Table 9. Coefficients for dummy variables indicating the relative time before (after) the experimental intervention in models of the funding volume of goods with a 50% cutoff level

184

Тип расходов	Зависимая переменная	-5	-4	-3	-1	0	1	2
	Дорожное хозяйство	-482,08 (367,0)	-115,78 (361,2)	-278,04 (408,5)	62,22 (430,3)	-204,45 (399,0)	-717,83 (812,5)	-549,92 (686,9)
Фактические	ЖКХ	391,46 (1490,5)	370,81 (1452,6)	359,80 (1639,8)	118,79 (1725,8)	181,25 (1621,0)	1123,58 (3356,7)	1093,05 (2499,5)
	Образование	3252,29** (1057,9)	663,54 (1030,9)	1864,72 (1163,7)	1727,98 (1224,8)	3318,54** (1150,7)	749,92 (2383,0)	3857,59* (1774,7)
	Дорожное хозяйство	-803,74 (652,7)	-673,42 (624,9)	-849,27 (586,8)	-874,89 (587,2)	-859,70 (589,5)	-303,45 (708,4)	-1204,47 (892,5)
Запланированные	ЖКХ	138,01 (2744,2)	312,75 (2455,0)	462,20 (2393,7)	-390,28 (2394,9)	-393,19 (2471,5)	-154,85 (2989,3)	275,01 (3761,9)
	Образование	-1749,37* (851,3)	-1332,46 (772,7)	-809,67 (774,2)	880,89 (774,7)	-1470,69 (799,5)	-1477,56 (965,9)	55,37 (1217,4)

Уровни значимости: *** 0,001; ** 0,01; * 0,05

Об авторе / About the author

Девятников Вадим Юрьевич — стажер-исследователь Международного центра изучения институтов и развития НИУ ВШЭ, аспирант Аспирантской школы по политическим наукам НИУ ВШЭ в Москве. Научные интересы: электоральные исследования, электоральные автократии, региональные выборы.

<https://orcid.org/0009-0009-5278-7232>. E-mail: vdevyatnikov@hse.ru

Vadim Y. Devyatnikov — a research assistant at the International Center for the Study of Institutions and Development at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) and a PhD student at the HSE University Doctoral School of Political Science in Moscow. Research interests: electoral studies, electoral autocracies, and regional elections. <https://orcid.org/0009-0009-5278-7232>. E-mail: vdevyatnikov@hse.ru